УДК 94 (41/99)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2019-2/68-77

А.А. Кротов*

НАПОЛЕОН И МИРАБО

В статье анализируется отношение Наполеона к идеям и личности Мирабо. Автор рассматривает его суждения о Мирабо, встречающиеся в переписке, записи, связанные с прочтением труда прославленного оратора «О тайных приказах и государственных тюрьмах». После прихода к власти Наполеон меньше всего стремился к реализации той схемы взаимодействия законодательной и исполнительной властей, которую некогда столь красочно обосновывал Мирабо. Но звучавшие с трибуны суждения прославленного депутата о главе государства как выразителе интересов всего народа не могли ему не импонировать. Идеи Мирабо не могли оказать на формирование мировосприятия Бонапарта определяющего, исключительного, первостепенного влияния. Тем не менее, они оказались прочно включены в ту интеллектуальную атмосферу, которая, так или иначе, служила питательной средой для мышления юного офицера. Критика злоупотреблений деспотической власти не осталась совсем незамеченной читателем труда о тайных приказах. Соединенная с увлечением руссоизмом, личными наблюдениями, она способствовала выработке у Наполеона, пусть и временных, республиканских симпатий, сыгравших важную роль на первом этапе его военной карьеры.

Ключевые слова: Наполеон, Мирабо, философия Просвещения, французская революция

Napoleon and Mirabeau. ARTEM A. KROTOV (Lomonosov Moscow State University)

The article analyzes Napoleon's attitude to Mirabeau's ideas and identity. The author considers his judgments of Mirabeau, which are found in his correspondence, and the records he made while reading «Of lettres de cachet and of state prisons». After coming to power Napoleon didn't seek to implement the scheme of interaction between legislative and executive authorities, which was so colorfully advocated by Mirabeau. But the judgments of the famous deputy about the head of state as a spokesman for the interests of the whole people could not help but impress young Napoleon. The author concludes that the ideas of Mirabeau could not have a defining influence on the formation of Bonaparte's worldview, but they turned out to be firmly included in the intellectual atmosphere that served as a breeding ground for the thinking of the young officer. Criticism of the abuses of despotic power, combined with his passion for russoism, contributed to the development of Napoleon's republican sympathies (albeit temporary) that played an important role in the first stage of his military career.

Keywords: Napoleon, Mirabeau, philosophy of the Enlightenment, French Revolution

* КРОТОВ Артем Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: krotov@philos.msu.ru

© Кротов А.А., 2019

О роли Оноре де Мирабо как выдающегося оратора времен Великой французской революции сказано немало. И все-таки некоторые аспекты его бурной жизни и многостороннего творческого наследия по-прежнему требуют определенных уточнений. В частности, среди разнообразных интеллектуальных влияний, связанных с его именем, необходимо отметить воздействие на формирование мировосприятия молодого артиллерийского офицера, Наполеона Бонапарта. Насколько это влияние было глубоким? Попробуем разобраться в этом непростом вопросе.

Несомненно, что Наполеон читал Мирабо, следил за его политической карьерой. Так поступали многие, в стремлении разгадать смысл современных им событий, увлеченные, иной раз пораженные масштабом фигуры прославленного оратора. Мирабо упоминается в переписке Наполеона, относящейся к 1790–1791 гг. В январе 1789 г., во время своей гарнизонной службы в Оксонне, он изучает один из главных трудов Мирабо, делая из него выписки. Вспоминал он о великом деятеле революции и позднее, в эпоху империи, затем в изгнании, на острове Святой Елены.

Накануне революции Мирабо уже был широко известен громкими судебными процессами, на которых он проявил себя как талантливый оратор, незаурядный адвокат; резонанс получили и его романтические похождения, напрямую связанные с судебным разбирательством. Но был он известен и как философ. Его «Опыт о деспотизме» (1775) — одна из популярных, часто обсуждаемых работ той эпохи. Человеческое общество, полагает он, основано на чувствительности людей, оно скреплено любовью к свободе, желанием избегать лишений, уверенностью в полезности взаимной поддержки. Ссылаясь на Руссо, Мирабо объявляет добрым и справедливым человека в его естественном состоянии. Автор «Опыта о деспотизме» видит в естественном человеке животное, но высшее, увлекаемое инстинктом к общественной жизни, наделенное способностью к совершенствованию.

В адрес Руссо звучат самые восторженные похвалы: «Один из наших современников, за которым я признаю наибольшую прямоту сердца и силу гения, самый элегантный из французских писателей безо всякого исключения, и, быть может, также самый красноречивый» [17, II, р. 249]. Но встречаем мы и упрек по отношению к теории женеvского гражданина. Ми-

рабо выражает несогласие с тезисом о том, что естественный человек был очень далек от общества. Люди не могут существовать порознь, без поддержки близких, поэтому «общество — естественное состояние человека». По-видимому, в данном случае критик предпочитает не замечать всех нюансов позиции Руссо. Согласно Мирабо, в обществе люди ничем не жертвуют из естественных прав, они соизмеряют свою свободу с взаимовыручкой и совместными обязательствами. Они доверяют верховной власти собственную защиту, но при этом сохраняют все прежние права, данные им от природы. Умножая и сохраняя собственность, человек обязан уважать аналогичные права других.

Природу Мирабо называет «единственной законодательницей». Соответственно, по его мысли, естественный закон базируется на «ощущениях и нуждах физического человека». Но в этом своем труде он не был намерен декларировать атеистический подход. Всякий человек получает существование благодаря всемогущей, благотворительной «руке творца природы». Именно поэтому никто из людей не обладает какими-то особыми правами использовать личность, собственность других исключительно в своих корыстных целях. Отсюда легко заключить, что деспотизм противоречит естественному закону. Мирабо связывает деспотизм с человеческими страстями, дает психологическое истолкование возникновению этого политического феномена. Сильнейшей страстью человека он считает стремление к превосходству. К ней примешивается вторая — желание подчинить ближнего. «Эти две соединенные страсти порождают тиранию и рабство» [17, II, р. 243]. На протяжении всей истории присутствует разделение на деспотов и угнетенных. Для человека так же естественно, повинаясь страстям, претендовать на политическое первенство, как и сопротивляться деспотизму. Насилие — единственный аргумент деспота, на основании которого он претендует на роль «абсолютного хозяина» подданных, единственного распорядителя их судьбами, имуществом, способностями и чувствами. Мирабо призывает не доверять этому мнимому аргументу, который надлежит с негодованием отвергнуть. Деспотизм не может быть справедливым. «Это не форма правления, это уничтожение всякой обязательной формы правления». Деспотизм опирается на невежество народа и непросвещенность монарха относительно своих обязанностей. «Просвещайте королей и подданных, и деспотизм срезан во

весь его рост» [17, II, p. 273, 269]. Соответственно, основами гармоничного общественного устройства Мирабо видятся просвещение и свобода. Он подчеркивает, что при деспотизме нет оснований обвинять восставших граждан в предательстве. Когда право сведено к употреблению силы, нет никакой справедливости, следовательно, мятежники ее никак не нарушают. Мирабо прямо, не прибегая к завуалированной форме, утверждает, что во Франции уже на протяжении нескольких веков предпринимаются попытки утвердить деспотизм. При этом он не призывает к изменению сословного баланса: титулы и социальная иерархия необходимы в государстве, при условии, что служат не одним только личным целям, а благу всего общества.

Распространение роскоши, на его взгляд, способствует торжеству деспотизма, поскольку развращает нравы. Следует остерегаться правительств, насаждающего привычку к роскоши. Деспотизм извращает и мысли, и чувства людей. Гений, не признающий права других людей, достоин сожаления. Человек не просто хочет быть счастливым, он желает спокойного наслаждения. Но в истории преобладают иные тона. В духе Вольтера автор «Опыта» заявляет, что «история есть длинное и монотонное собрание несчастий человека и очень часто панегирик злодеям» [17, II, p. 309]. Он призывает всех добродетельных людей к борьбе за свободу. Необходимость пассивного, не допускающего исключений повиновения властям, по его мнению, – «догма» прислужников деспотизма из числа священнослужителей. Это – чудовищная ложь, находящаяся в противоречии с христианством.

Подлинный философ, по Мирабо, не только сведущ в различных вопросах, но также искренен, прямодушен, ибо честность – отличительная черта, отделяющая истинного метафизика от шарлатана. Познание общества для него неотделимо от метафизики, исполненной ясности, методичности, глубины.

Ничуть не меньший резонанс, чем «Опыт о деспотизме», имело сочинение, написанное Мирабо во время заточения в Венсенском замке – «О тайных приказах и государственных тюрьмах» (1778). Оно было опубликовано в 1782 г., в нем Мирабо относит вопрос о произвольном заключении под стражу по королевскому приказу к числу имеющих первостепенную политическую важность. Он замечает, что многие брались за этот предмет до него, но терпели неудачу, поскольку либо ограничивались общи-

ми утверждениями, не имеющими практического применения, либо проявляли сдержанность, уклончивость, оставаясь на уровне неполных, частичных истин. Те же, кто сам пережил несправедливое заточение, нередко испытывая озлобление, распыляли свои силы на описание деталей, преувеличения. Мирабо, нисколько не сомневаясь, объявляет: ему по силам решить оказавшуюся не по зубам столь многим задачу. Именно потому, что хотя он и не претендует на превосходство в таланте над своими предшественниками, ему не занимать смелости. Он отмечает, что защитники процветающей практики применения тайных приказов ссылаются на ее древность, видят в ней надежное обоснование правомерности существующих общественных институтов. Мирабо противопоставляет приведенному подходу тезис, согласно которому законодательство должно быть подчинено кодексу природы и отвечать требованиям разума. Вместе с тем любое злоупотребление продолжает оставаться незаконным, сколь долгое время оно бы ни торжествовало. Обращаясь к истории, автор работы о тайных приказах настаивает, что заключение в тюрьму по произволу всегда встречало протесты лучших умов королевства.

Свою позицию Мирабо развивает, ссылаясь на естественное право. По его мысли, люди инстинктивно стремятся к объединению, к этому же их подталкивает и разум, подсказывающий, что они могут значительно увеличить свои силы, если будут держаться вместе. Без поддержки со стороны ближних совершенно невозможно сохранить свою жизнь в первые детские годы. Семьи, вступая в союз, создают более широкие объединения людей. Каждый человек вынужден противостоять множеству угрожающих ему бедствий, справиться с которыми в одиночку бывает ему не под силу. Забота о самосохранении – закон природы, лежащий в основе человеческого бытия. «Но возможность удовлетворять наши потребности зависит абсолютно от нашей личной собственности, т. е. от полной свободы использовать наши силы, наше время и наши средства для изыскания того, что нам полезно. Личная собственность, следовательно, есть наше первое право, как наша первая обязанность в том, чтобы ее сохранять и защищать. Объединение многих людей может покоиться только на этой обязанности и этом праве» [17, I, p. 42].

Согласно Мирабо, вступая в ассоциацию, люди молчаливо подразумевают права друг

друга и взаимную поддержку. Он настаивал на том, что такого рода безмолвное соглашение не следует считать общественным договором, вопреки мнению «некоторых философов». Оно – «просто закон природы, явное намерение объединившихся, их очевидный интерес». Разум и общество – два главных оружия человека в его борьбе за выживание, отличающие его от прочих земных существ. Жизнь в обществе стимулирует развитие разума, улучшает его и направляет. Но она же закономерно приводит к формированию определенной иерархии. Силы, способности, таланты людей различны. В этой связи Мирабо говорил о справедливом, основанном на природе, неравенстве, сложившемся постепенно, под влиянием времени и переменчивых обстоятельств. По его мнению, достойное уважения социальное неравенство как лестница рангов направлено к общему благу и отражает общественную признательность по отношению к отличившимся. Равными же люди могут быть признаны совсем в другом отношении – в своем праве на свободу, в которой одинаково нуждается каждый. Мирабо настаивал на том, что неравенство, во многом сложившееся из-за случайных преимуществ, основанных на различии способностей, не должно сопровождаться угнетением. Для этого нужно, чтобы каждый уважал и признавал естественные права другого. Справедливость, по его мнению, и разумна и совершенно необходима для общества, она вытекает из самой человеческой природы. С принципом справедливости он связывает «всеобщее законодательство». При этом подобный принцип не нуждается в особом религиозном обосновании. Одной естественной морали достаточно, чтобы убедить человека: себялюбие неотделимо от любви к справедливому порядку, полезному для всякого. «Справедливость, следовательно, не зависит от каких бы то ни было понятий о божестве» [17, I, p. 49].

По мнению мыслителя, в древности законодатели были склонны для увеличения своей власти возводить ее к высшим силам. Таким образом, происходило смешение гражданского и религиозного начал, тяготевшее к образованию теократии. В дальнейшем, по мере усложнения культа, продолжала сохраняться заинтересованность правительств в распространении убеждения, будто божество им покровительствует и поддерживает. Теократическая система закономерно взрастила семена деспотизма, затем лишь укрепляя его. Невежественных людей, непривычных к сложным размышлениям,

порабощали, прибегая к помощи непостижимых разуму догм. Священники, присвоившие себе роль посредников между небом и людьми, помышляя о своих интересах, постоянно расширяли собственное могущество. Религиозная нетерпимость, охватившая человечество, объясняется алчностью священнослужителей, их желанием умножить богатства и привилегии. Обманутых и запуганных жрецами людей удерживали в подчинении, всемерно раздувая фанатизм. Этот «заразный яд» ловкие священники искусно внебрили в души сограждан, отравив им различные народы. Результатом стали религиозные войны, принесшие с собой неисчислимые бедствия. Самый ужасный деспотизм, включает Мирабо, был рожден союзом светской и религиозной власти. Он провозглашает, что для блага человеческого было бы желательно совсем отказаться от тех вероисповеданий, которые насаждают под видом священного некий выгодный их служителям порядок. По его мнению, надлежит отбросить все ритуалы, упразднить все абсурдные культы, далекие и от добродетели, и от подлинно религиозного начала. «Практика морального блага есть единственная обязательная религия, к которой человек может быть принуждаем по справедливости». Принципы морального блага, на его взгляд, будучи неотделимы от интересов человека, должны выступать незыблемой основой общества, в то время как попытки найти опору в «зыбучих песках», подверженных страстям, благоприятны для тирании. С негодованием отвергает Мирабо попытки отстоять религиозное обоснование использования власти по личному произволу монарха. «Всякая власть непосредственно исходит от Бога, говорите Вы. Я спрашиваю, заключаете ли Вы отсюда, что все человечество было создано, чтобы служить игрушкой нескольких индивидов, и что фантазии одного человека более священны, чем интересы всего народа?» [17, I, p. 69, 78].

Из общих построений следуют выводы частного порядка, применительно к заявленной теме сочинения. Сторонники деспотизма оправдывают применение тайных приказов, объявляя их использование вполне легитимной прерогативой королевской власти. Мирабо возражает, что опровержение этого принципа легко получить, доведя его до логического завершения. Ибо, следуя этому принципу, мы приходим к отрицанию всякой собственности, всякой свободы. Когда человек не располагает даже правом распоряжаться своей личностью, о собственности не

может идти и речи. Не существует свободы там, где достаточно приказа министра, не обязанного предъявлять никаких доказательств, для заключения подданных в тюрьму. Такие приказы зачастую выдаются в результате интриг подкупленных второстепенных чиновников, влиятельных фаворитов, личных просьб мстительных особ, занимающих высокое положение.

Справедливость, вытекающая из общих потребностей человека, закономерно должна выступать основой любых общественных отношений. Реализация же справедливости несовместима с тайными приказами о заключении под стражу. Мирабо настаивает: абсолютно несовместима. Эти приказы незаконны, ибо никакое насилие не в состоянии уничтожить естественное право. Но в них же нет и никакой необходимости для государства в целом. Более того, «суверен не может, без самой явной из несправедливостей, произвольно определять судьбу гражданина, обвиняемого или виновного в государственном преступлении: потому что, в конце концов, именно он тогда по-настоящему его обвинитель, его сторона и его судья» [17, I, р. 128]. Достаточным основанием для упразднения тайных приказов служит еще и то обстоятельство, что с их помощью смешивают невинных с виновными в действительных преступлениях. Поэтому «во всех случаях и без исключения» граждане должны быть судимы только в соответствии с законами и лишь компетентными знатоками права.

Ограниченная законами монархия, по Мирабо, всегда была более стабильна, чем тирания. Деспотизм же оказывался чреват серьезными социальными потрясениями. Избежать их, по его мысли, можно, опираясь на принцип разделения властей.

За три с небольшим месяца до открытия Генеральных штатов Наполеон с увлечением читает обширный труд Мирабо о тайных приказах. Его заметки, сопровождающие прочитанное, меньше всего напоминают ученический конспект. Но перед нами и не поток собственных мыслей. Личное отношение к прочитанному напрямую не демонстрируется, хотя косвенно, по подбору цитат, о сфере интересов читателя судить возможно.

Рене де Кастр характеризует книгу «О тайных приказах и государственных тюрьмах» как выдающийся политический текст. «В этой книге потрясает пророческая уверенность, с какой автор с опережением на десять лет возвещает принципы, которыми станет гордиться Учре-

дительное собрание; это настоящий государственный деятель, уверенный в своей доктрине и ясный сам по себе, пишет твердой рукой в полумраке своей темницы» [1, с. 110]. В записях Наполеона совсем не находится места для какой бы то ни было, открыто выраженной, политической оценки. В них вообще не затронуты центральные темы рассуждения Мирабо. Случайно ли это, мог ли он их «проскочить» как несущественные? Маловероятно. Скорее, дело в другом: и общий пафос работы, и главные ее аргументы слишком хорошо ему понятны, не требуют дополнительной фиксации на бумаге. Как отмечает А.З. Манфред, «Бонапарт с детских лет и до конца своих дней обладал почти абсолютной памятью. Без каких-либо особых усилий он запоминал и правила математики, и сухие юридические формулы, и длинные строфы стихов из Корнеля, Расина или Вольтера. Позже, в армии, он безошибочно называл имена солдат и офицеров, которых лично знал, указывая год и месяц совместной службы и нередко часть – точное наименование полка, а иногда и батальона, в котором состоял его бывший сослуживец» [3, с. 24]. Соответственно, записывает Наполеон только частности, подробности, отдельные факты, которые по разным причинам, как ему представляется, могут пригодиться в дальнейшем. Если попытаться их суммировать, вырисовывается следующая картина. Им отмечены имена некоторых королей и связанные с их правлениями казни. Часть выписок касается состояния французской казны при различных государях. Зафиксированы примеры масштабных религиозных преследований. Приводятся потери королевства в тысячах людей, оказавшихся жертвами религиозной нетерпимости. Очевидно, и автор книги, и молодой артиллерийский офицер, ее изучавший, осуждают фанатизм в разных его видах. Об этом говорят и более ранние записи Наполеона, касавшиеся в частности сочинения Рустана, содержавшего критику трактата «Об общественном договоре». Наполеон выписывает из книги Мирабо также различные факты, характеризующие римское государство. Заинтересовала его и история парижского парламента. Отмечены им некоторые особенности английского правосудия. Присутствуют в записях констатации отдельных, как бы разрозненных фактов, например: «Бюффон считает, что Лондон насчитывает 677 970 жителей и Париж 658 000». Приводится стоимость расходов короны на содержание узников Венсенского замка. Открываются заметки Наполе-

она многозначительной фразой: «Людовик XIV говорил, что не знает, для чего служит чтение» [16, 1, р. 240, 237]. Эта деталь позаимствована Мирабо из сочинения Вольтера «Век Людовика XIV». Неприязнь к деспотическому правлению выражена достаточно явно как автором книги о тайных приказах (заявлявшим, что прославленный государь «не знал ничего», в особенности истории), так и ее молодым читателем, не прошедшим мимо столь компрометирующего неограниченную монархию заявления. Наконец, Наполеон вслед за Мирабо обращает внимание на то обстоятельство, что указ 1757 г., осуждавший всякого автора и издателя, нападающего на религию и «смущающего умы», будучи применен к Руссо и Рейналю, мог бы стоить жизни обоим. Имя Руссо отнюдь не случайно встречается среди записок о прочитанном, сделанных юным офицером. Как справедливо утверждал Артур Шюке, «с 1785 по 1792 гг. он поклонялся Руссо, он его обожал» [6, II, р. 15]. Франсуа-Жильбер де Костон отмечал, что в годы гарнизонной службы «Наполеон был очень воодушевлен Жан-Жаком Руссо, самые прекрасные сочинения которого ему были хорошо известны» [7, р. 99]. Луи Мадлен, описывая интеллектуальные интересы Бонапарта в период с 1787 по 1789 гг., упоминая в этой связи Плутарха и других авторов, особо подчеркивает: «Он читал и перечитывал сочинения Руссо» [11, 1, р. 51]. Жак Годшо в своей краткой зарисовке личности Бонапарта времен гарнизонной службы, констатирует: «Он относится к Руссо с настоящим почтением» [8, р. 40]. Патрис Генифе полагает, что Наполеон не испытывал сомнений в истинности учения Руссо вплоть до момента разрушения, исчезновения привычного ему общества: «До тех пор, он клялся только Жан-Жаком» [9, р. 111].

Не исключено, что чтение одного из важнейших философских трудов Мирабо осуществлялось Наполеоном именно сквозь призму руссоистских идей. По-видимому, ему импонировала высокая оценка таланта Руссо, встречающаяся на страницах произведений провансальца. Вряд ли у него могла вызвать отторжение идея изначальной доброты человека. Призывы к установлению социальной справедливости, к ограничению общественной роли священников, к искоренению фанатизма, вполне могли находить одобрение у последователя Руссо. Критические же замечания в адрес теории общественного договора вряд ли встречали с его стороны какой-либо интерес. В общем же заметки мо-

лодого Наполеона, связанные с работой Мирабо, свидетельствуют о сильном стремлении их автора к расширению интеллектуального кругозора, к приобретению разносторонних знаний.

Фредерик Массон, характеризуя период гарнизонной жизни Бонапарта в Оксонне и обобщая тематику сохранившихся заметок будущего императора, заключал: «...По этому перечню видно, что хотя живо заинтересованный событиями, которые разворачивались в Версале, Наполеон еще не принял чью-либо сторону во Франции ...если бы в этот момент, говорил он, ему бы отдали приказ повернуть пушки против народа, он не колеблясь бы подчинился» [12, р. 198]. Массон настаивал на том, что хотя Наполеон и был увлечен новыми идеями, волнения лета 1789 г. в Оксонне его шокировали. Его линия поведения в столкновении различных политических сил еще не была им определена вполне ясно.

Е.В. Тарле таким образом характеризует умонастроение молодого Бонапарта накануне революции, в период несения гарнизонной службы в Оксонне: «Согласился ли он окончательно удовольствоваться своей долей – долей небогатого провинциального офицера, корсиканского дворянина из бедных, на которого аристократы-товарищи и аристократы-начальники всегда будут смотреть сверху вниз? Он не успел ясно сформулировать ответ на этот вопрос и еще меньше успел конкретно разработать планы будущего, как сначала зашаталась, потом надломилась, потом провалилась та сцена, на которой он готовился действовать; грянула французская революция» [4, с. 17].

В переписке Наполеона имя Мирабо впервые упоминается 11 октября 1790 г. В письме к Поццо ди Борго, в котором главным образом характеризуются события в Аяччо, связанные с состоявшимися окружными выборами, он призывает к насильственному, но «необходимому» образу действий. В заключение своего послания он ссылается на «прекрасную максиму» Монтескье, которую, по его мнению, тщетно пытался опровергать Мирабо: «Законы – как бы статуя некоторых божеств, которую завешивают в известных обстоятельствах» [15, I, р. 89]. Действительно, в книге о тайных приказах Мирабо уделяет немало места полемике с Монтескье. Хотя эта полемика не нашла отражения в записях Бонапарта, ее суть он, как мы видим, помнит превосходно. Очевидно, он никогда не относился к Мирабо как к пророку, каждое из высказываний которого непогрешимо.

Альбер Собуль отмечал, что к маю 1790 г. «Мирабо был уже давно погибшим в сознании патриотов». В августе того же года Марат объявил его «беспринципным, безнравственным, бесчестным», продавшимся монархии [20, р. 171–172]. Но все-таки его роль продолжала оставаться значительной вплоть до окончания жизненного пути. «Со смертью Мирабо (2 апреля 1791 г.) исчез единственный революционер, способный – еще могут в том сомневаться – обуздать победителей» [5, р. 55].

В знаменитом письме к Маттео Бутафочо (23 января 1791 г.), которое было опубликовано в виде брошюры, имя Мирабо использовано наряду с другими как символ нравственного примера. Наполеон представляет своего адресата, противника идеи корсиканской независимости, как личность в высшей степени низменную. С иронией обращаясь к своему адресату, он заявляет: «Вы не были прельщены общим волнением: далекие от этого, лишь с жалостью смотрели Вы на эту болтовню о родине, свободе, независимости, конституции». Он высказывает депутату упреки в алчности, предательстве общих интересов ради личной выгоды. Предсказывает ему одинокую нищую старость, когда окружающие станут показывать на него, как на пример того, к чему приводит пренебрежение к родине и добродетели. Заклеймив своего адресата, Наполеон представляет его как существо, недостойное заседать в одном собрании с выдающимися людьми современности: «О Ламет! О Робеспьер! О Петион! О Вольней! О Мирабо! О Барнав! О Байи! О Лафайет! вот человек, который осмеливается садиться рядом с вами... он осмеливается называть себя представителем народа, он, который его продал, и вы его терпите!» [15, I, р. 91, 96].

Письмо Жозефу Фешу от 8 февраля 1791 г., наряду с другими, показывает, что Бонапарт имел представление о ходе заседаний Учредительного собрания, следил за ролью в нем Мирабо. Он высказывает сожаление, что депутат Перетти «угрожал Мирабо ударом ножа», по его мысли, «это не делает чести» корсиканцам. Он предлагает для исправления ситуации поручить «патриотическому обществу» вручить Мирабо традиционную корсиканскую одежду, включая пистолет и ружье [15, р. 97].

Жюль Мишле видел ведущий моральный принцип Великой французской революции в идее справедливости. Эту идею он подчеркивает и у Мирабо, и Робеспьера, и Кондорсе [14, II, р. 172–174], что позволяет ему свести к некоему

высшему единству позиции весьма несхожих политических деятелей. Идея эта, несомненно, имела большое значение и для юного Наполеона.

Жозеф Бонапарт вспоминал, что во время своего отпуска, проведенного на Корсике в 1786–1787 гг., Наполеон был озабочен идеей завершения истории родного острова. «Этот маленький текст никогда не был напечатан. Аббат Рейналь, которого он видел проездом в Марселе, сильно его поддерживал и позднее попросил у него копию рукописи, которую он отправил Мирабо. Я вспоминаю, как читал неоднократно в его письме эти слова: “господин Мирабо отметил в этом маленьком опыте черты, которые указывают на гения первого порядка. Он побуждает молодого автора отправиться в Париж”. Нужно заметить, что Мирабо сам писал на ту же тему несколькими годами ранее, находясь в гарнизоне на Корсике. Это опыт так же был потерян» [13, I, р. 33]. Вероятно, так все и было: Рейналю не было никакого резона приписывать Мирабо слова, ему не принадлежавшие, равно как и Жозефу Бонапарту – фантазировать, ссылаясь на покойного оратора именно в то время, когда репутация его уже давно не находилась в своей высшей точке.

Читал ли Наполеон письма Мирабо к Софи де Монье, сочиненные им в ту пору, когда тот был узником донжона Венсенского замка? Сентиментальные восклицания, которыми полны эти письма, наводят на мысль о значительном влиянии на их автора творчества Руссо. «О Софи! Прекрасная Софи... Но пыл моих чувств – не лучшее доказательство того, что я никогда не любил никого, кроме тебя. Единение душ накладывает печать на нашу нежность: эта безграничная и беспримерная преданность делает целую вселенную в наших глазах – всего лишь атомом; всякий интерес отступает перед любимым предметом, или, скорее, смешивается с ним; всякая жертва есть наслаждение, всякое чувство – долг» [17, III, р. 52]. Если будущий император и был знаком с письмами, он не подчеркивал этого. Согласно сохранившимся описям библиотек его рабочих кабинетов в Тюильри и большом Трианоне, никаких произведений Мирабо там не было. Он не испытывал необходимости ни перелистывать когда-то прочитанное, ни расширять представление об этом авторе. Темы, связанные с Мирабо, были им продуманы, пережиты, ушли в прошлое вместе с революцией. Они стали не важны.

Сложно судить о том, доводилось ли ему открывать романы прославленного оратора. Воз-

можно, они совсем не привлекли его внимания. Так или иначе, их значение для культуры той эпохи сложно считать выдающимся. К примеру, роман «Мое обращение», еще одно произведение, созданное в донжоне Венсенского замка, Рене де Кастр относит к числу «досадно посредственных сочинений», рожденных чувственностью, не имевшей возможности самореализации в условиях тюремного заключения. С такой оценкой в принципе согласны многие исследователи. В романе повествуется о многочисленных любовных похождениях, за которыми не кроется никаких возвышенных чувств. «В это время я познакомился с одной из тех женщин, которые... ищут удовольствий любой ценой. Она мне делает авансы, потому что ее честь, ее репутация, ее благопристойность... Все это довольно далеко от ее юности. Вскоре мы пришли к соглашению; она мне платит...» [19, II, р. 980]. Подобные сюжеты не нашли отражения в каких-либо комментариях Бонапарта.

В эпоху империи, 20 мая 1807 г., в письме министру полиции Фуше Наполеон высказывал свое недовольство заседанием французской Академии, на котором председательствующий Сюар позволил себе говорить о Мирабо. Он называет это заседание «слишком политическим». «Что общего у французской Академии с политикой? Не больше, чем у правил грамматики с искусством войны». Впрочем, сказанное, как можно предположить, не представляло собой указания принять меры к тому, чтобы совсем вычеркнуть имя Мирабо из лексикона современников. «Если он должен был о нем говорить, ему следовало говорить только о его стиле» [17, VII, р. 806]. А Мирабо-политик? Мудрость и христианское милосердие побуждают отказаться от неуместных напоминаний там, где это может вызвать боль или кого-то оскорбить. О бывшем политике следует молчать.

Означает ли упоминание о стиле неявную отсылку к письмам Мирабо к Софи де Монье? Даже если и так, остается неясным, читал ли он сам многотомное их издание или же опирался на знания, полученные «из вторых рук».

По справедливому замечанию А.З. Манфреда, «внимательно анализируя выступления Мирабо предреволюционного периода и первых двух лет революции, можно заметить, что при некоторых разночтениях во фразеологии (по-видимому, диктуемых конкретными обстоятельствами) позитивные взгляды трибуна оставались по существу неизменными. Несколько схематизируя политический идеал

Мирабо, можно сказать, что он выступал за конституционную, либеральную, управляемую сильным правительством, опирающимся на доверие народа, точнее, законодательного собрания, монархию» [3, с. 226]. Обосновывая свою позицию, Мирабо не обходится без философских суждений. Воля и действие необходимы для существования всякого политического тела. Воля нужна для того, чтобы сформулировать принципы, ведущие общество к благу. Эта роль предназначена законодательному собранию. Действие призвано для того, чтобы обеспечить воплощение в жизнь благотворных принципов, помочь обществу преодолеть все препятствия на этом пути. Политическое действие закреплено за исполнительной властью. При этом «монарх должен быть рассматриваем скорее как защитник народов, чем как враг их счастья» [18, р. 676, 674]. В больших государствах необходимо именно монархическое правление, поскольку должна быть высшая сила, способная привести к единству все его части, направить в одно русло всю общественную активность. Поэтому за монархом должно быть закреплено право отклонять представленные на его утверждение законы. Оно необходимо для предотвращения тирании со стороны аристократии, которая могла бы возникнуть в стенах законодательного собрания. В подобном случае для сохранения общественной свободы в высшей степени необходим прямой союз монарха с народом. Вмешательство в работу законодателей со стороны короля будет оправдано, если ему предстоит отстаивать не свои привилегии, но интересы всего общества. Мирабо уточнял, что право вето следует предоставить королю после принятия конституции. Но право народа на выработку (через его представителей) самой конституции не может быть оспариваемо никем, а потому оно не подлежит никакому вето.

Политический идеал Мирабо не был близок Наполеону. Накануне революции и в первые ее годы симпатии его на стороне республиканского строя. 23 октября 1788 г. он заносит на бумагу свои мысли о королевской власти. «Только немногие короли не заслужили быть низвергнутыми с трона». В «двенадцати королевствах Европы» государи пользуются «узурпированной властью» [16, I, р. 213]. В июне 1791 г., по-видимому, под непосредственным впечатлением от событий, получивших название Вареннского кризиса, он пишет набросок, посвященный сопоставлению монархического и республиканского правления. «Я прочитал все речи ора-

торов-монархистов. В них я увидел большие усилия, направленные на защиту дурного дела. Они блуждают в утверждениях, которые не доказывают» [16, 2, р. 172]. Тезис монархистов в том, что республика «невозможна, потому что невозможна». При этом на республиканцев клеветают и им угрожают. Порочная аргументация скорее приведет сомневающегося в противоположный лагерь. Приверженцы монархии своими выступлениями сами подталкивают ее к гибели.

После прихода к власти Наполеон меньше всего стремился к реализации той схемы взаимодействия законодательной и исполнительной властей, которую некогда столь красочно обосновывал Мирабо. Но звучавшие с трибуны суждения прославленного депутата о главе государства как выразителе интересов всего народа не могли ему не импонировать.

Судя по высказанным вскользь суждениям узника острова Святой Елены, в которых упоминалось имя Мирабо, покойного оратора он продолжал считать выдающимся человеком. Так, вспоминая о выступлении Бенжамена Констан в Трибунате в период Консульства, Наполеон заметил: «Вечером, иллюминация у мадам де Сталь. Она короновала своего Бенжамена посреди блистательного собрания и объявила его вторым Мирабо. За этим фарсом, который был всего лишь смешным, последовали более опасные планы» [10, I, р. 1035]. Смешным ему казалось само сравнение двух политических деятелей, один из которых, на его взгляд, явно уступал в масштабе личности другому.

Резюмируя, следует отметить, что идеи Мирабо не могли оказать на формирование мировосприятия Бонапарта определяющего, исключительного, первостепенного влияния. Тем не менее, они оказались прочно включены в ту интеллектуальную атмосферу, которая, так или иначе, служила питательной средой для мышления юного офицера. Критика злоупотреблений деспотической власти не осталась совсем незамеченной читателем труда о тайных приказах. Соединенная с увлечением руссоизмом, личными наблюдениями, она способствовала выработке у Наполеона, пусть и временных, республиканских симпатий, сыгравших важную роль на первом этапе его военной карьеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастр Р. де. Мирабо: несвершившаяся судьба. М.: Молодая гвардия, 2008.
2. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980.

3. Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М.: Мысль, 1989.
4. Тарле Е.В. Наполеон. СПб.: Азбука, 2012.
5. Bluche, F., Rials, S. and Tulard, J., 1992. La Révolution française. Paris: Presses Universitaires de France.
6. Chuquet, A., 1898–1899. La jeunesse de Napoléon. T. I–III. Paris: Armand Colin.
7. Coston, F.-G., 1840. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte. T. I. Paris; Valence: Marc Aurel frères.
8. Godechot, J., 1968. La jeunesse de Bonaparte. In: Mistler, J. ed., 1968. Napoléon et l'Empire. T. I. Paris: Hachette, pp. 27–63.
9. Gueniffey, P., 2013. Bonaparte. 1769–1802. Paris: Gallimard.
10. Las Cases, E., 1956. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I–II. Paris: Gallimard.
11. Madelin, L., 2003. Histoire du consulat et de l'empire. T. 1–4. Paris: Robert Laffont.
12. Masson, F., 1922. Napoléon dans sa jeunesse. 1769–1793. Paris: Albin Michel.
13. Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph. T. I–X. Paris: Perrotin, 1853–1854.
14. Michelet, J., 2007. Histoire de la révolution française. T. I–II. Paris: Robert Laffont.
15. Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. I–XV. Paris: Fayard, 2004–2018.
16. Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. 1–3. Paris: Claude Tchou, 2001.
17. Oeuvres de Mirabeau. T. I–IX. Paris: Brissot Thivars; P. Dupont, 1825–1827.
18. Orateurs de la Révolution française. T. 1. Les Constituants. Paris: Gallimard, 1989.
19. Romanciers libertins du XVIII siècle. T. I–II. Paris: Gallimard, 2002–2005.
20. Soboul, A., 2009. La Révolution française. Paris: Gallimard.

REFERENCES

1. Castries, R., 2008. Mirabo: nesvershivshayasya sud'ba [Mirabeau: unfulfilled destiny]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)
2. Manfred, A.Z., 1980. Napoleon Bonapart [Napoleon Bonaparte]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
3. Manfred, A.Z., 1989. Tri portreta epokhi Velikoi frantsuzskoi revolyutsii [Three portraits of the French Revolution epoch]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
4. Tarle, E.V., 2012. Napoleon [Napoleon]. Sankt-Peterburg: Azbuka. (in Russ.)
5. Bluche, F., Rials, S. and Tulard, J., 1992. La Révolution française [The French Revolution]. Paris: Presses Universitaires de France. (in French)

6. Chuquet, A., 1898–1899. La jeunesse de Napoléon [The youth of Napoleon]. T. I–III. Paris: Armand Colin. (in French)
7. Coston, F.-G., 1840. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte [Biography of the early years of Napoleon Bonaparte]. T. I. Paris; Valence: Marc Aurel frères. (in French)
8. Godechot, J., 1968. La jeunesse de Bonaparte [The youth of Bonaparte]. In: Mistler, J. ed., 1968. Napoléon et l'Empire. T. I. Paris: Hachette, pp. 27–63. (in French)
9. Gueniffey, P., 2013. Bonaparte. 1769–1802 [Bonaparte. 1769–1802]. Paris: Gallimard. (in French)
10. Las Cases, E., 1956. Le mémorial de Sainte-Hélène [The St. Helena Memorial]. T. I–II. Paris: Gallimard. (in French)
11. Madelin, L., 2003. Histoire du consulat et de l'empire [History of the Consulate and the Empire]. T. 1–4. Paris: Robert Laffont. (in French)
12. Masson, F., 1922. Napoléon dans sa jeunesse [Napoleon in his youth]. 1769–1793. Paris: Albin Michel. (in French)
13. Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph [Memoirs and political and military correspondence of King Joseph]. T. I–X. Paris: Perrotin, 1853–1854. (in French)
14. Michelet, J., 2007. Histoire de la révolution française [History of the French Revolution]. T. I–II. Paris: Robert Laffont. (in French)
15. Napoléon Bonaparte. Correspondance générale [General correspondence]. T. I–XV. Paris: Fayard, 2004–2018. (in French)
16. Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires [Literary works and military writings]. T. 1–3. Paris: Claude Tchou, 2001. (in French)
17. Oeuvres de Mirabeau [Works by Mirabeau]. T. I–IX. Paris: Brissot Thivars; P. Dupont, 1825–1827. (in French)
18. Orateurs de la Révolution française [Speakers of the French Revolution]. T. 1. Les Constituants. Paris: Gallimard, 1989. (in French)
19. Romanciers libertins du XVIII siècle [Novels libertine of the XVIII century]. T. I–II. Paris: Gallimard, 2002–2005. (in French)
20. Soboul, A., 2009. La Révolution française [The French Revolution]. Paris: Gallimard. (in French)